

Предисловие

Борис Орехов

Слово о полку Игореве. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 5–22.

Потолок в тысячелетие

Большинство книг, будучи однажды написанными, навсегда оседают забытыми на библиотечных полках. Известно, что в Российской национальной библиотеке («Ленинке») читатели брали на руки не больше 12 % того, что там хранится. Ученые даже придумали специальный термин: «великое непрочтенное». Из такого непрочтенного в основном и состоит история культуры.

Книг, которые вызывают интерес публики годами, не так много, веками — еще меньше. «Слово о полку Игореве» читают (пусть и с некоторыми перерывами: в XVIII веке «Слово» не знали) почти 850 лет, и нет сомнений, что его история пробьет потолок в тысячелетие.

Из этого довольно короткого текста в русский язык вошли крылатая фраза про «растекаться мыслью по древу», представление о Тьмутаракани как о чем-то очень далеком и непрестижном, а еще вдобавок и слово «баян», ставшее названием музыкального инструмента. На такое способно далеко не всякое произведение, даже хрестоматийное.

Интерес к «Слову» подогревается спорами о том, кто его автор, не подделка ли перед нами, и о прочих второстепенных для самого текста вопросах. Но подобного рода споры не смогли бы поддерживать внимание читателей так долго, если «Слово» само по себе не было бы впечатляющей литературой.

Инженерия «Слова»

Прежде всего, «Слово» — очень точно спроектированный текст. Он действительно напоминает скорее сложный инженерный объект, чем случайный рассказ на заданную тему.

Например, при описании битвы автор часто прибегает к «сельскохозяйственным» метафорам: землю засевают костями и стрелами, поливают кровью, в снопы складывают головы. В принципе, ничего удивительного: такое сравнение — обычное дело для древней литературы. Но если внимательно взглядеться в текст, выяснится, что подобные образы появляются только для описания трагических событий. О славных победах русских князей таким способом никогда не говорится.

То же происходит с древнеславянскими богами: они упоминаются в основном для характеристики ушедшей эпохи, а не современности.

Таких регулярностей в тексте много, и не случайно. Автор «Слова» размышляет о том, как ему рассказывать его историю, и даже создает к своему тексту литературный комментарий. Причем делает это не где-нибудь, а буквально в самом начале. При быстром чтении мы обычно пропускаем эти строки как какие-то риторические восклицания. На самом же деле это сложные размышления автора о литературе и о своем месте в ней.

Попробуем взглянуть в самое начало «Слова». О чем там говорится? Обычно читателей сбивает с толку частица «ли», которая в современном языке действительно появляется только в вопросительных предложениях или в предложениях с альтернативой («Паду ли я, стрелой пронзенный, / Иль мимо пролетит она»). Но в языке XII века это не было обязательным. Первое предложение скорее утвердительное: плохо было бы рассказывать историю Игоря в старом стиле, поэтому мы расскажем ее по-новому. А как это — «в старом стиле»? Это так, как было у Бояна. О Бояне больше никаких сведений до нас не дошло, но автор «Слова» сам подробно поясняет, в чем заключался стиль Бояна и чем он отличен от нового способа рассказывания.

Оказывается, Боян всегда метафоричен. Он никогда не называет то, что описывает, по имени, а вместо этого пользуется образным пересказом. Например, ему нужно изобразить игру на струнах. Тогда он говорит о пальцах как о соколах, а о струнах как о лебедях. Автор «Слова» отказывается от такого способа, и говорит, что у него пальцы будут пальцами, а струны струнами. Но, очевидно, влияние Бояна настолько мощное, что полностью выдержать собственную линию у автора не получается: довольно скоро он «ломается» и прибегает к привычной стилистике «старых слов», называя Игоря и его соратников солнцами, а половецкое войско — тучами.

Такой литературный комментарий к собственному тексту войдет в моду в XX веке. Например, Владимир Набоков (который, кстати, перевел «Слово» на английский язык) начинает третью главу романа «Отчаяние»... с описания того, как обычно начинаются главы романов! «Как мы начнем эту главу? Предлагаю на выбор несколько вариантов. Вариант первый, — он встречается часто в романах, ведущихся от лица настоящего или

подставного автора: День нынче солнечный, но холодный, все так же бушует ветер, ходуном ходит вечнозеленая листва за окнами, почтальон идет по шоссе задом наперед, придерживая фуражку. Мне тягостно. . . Отличительные черты этого варианта довольно очевидны: ведь ясно, что пока человек пишет, он находится где-то в определенном месте, — он не просто некий дух, витающий над страницей».

Нарушая литературные правила

Ощущение, что «Слово о полку Игореве» — текст необычный, сопровождало читателей всегда. Причина этому довольно прозрачна: это произведение, которое нарушает литературные правила, спорит с традицией, опровергает привычки. В этом легко убедиться — достаточно просто почитать другие памятники русской литературы XII века. Литературное произведение не существует в вакууме — это всегда диалог с контекстом и традицией. Мы уже знаем, какой диалог ведет автор с Бояном, но в каких отношениях он состоит с другими современниками?

Возьмем «Поучение» Владимира Мономаха, еще один знаковый образец домонгольской литературы Древней Руси. Что мы здесь читаем? «И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов»*.

*Перевод Д. С. Лихачева.

Автор описывает тематически близкий «Слову» сюжет: перемещения князей между городами, воинские походы, победы, даже половцы упомянуты. Но насколько этот рассказ суше, протокольнее «Слова»! Никаких бояновских метафор, параллельных описаний нападения половцев и пыльной бури. Это не делает текст Мономаха хуже, просто мы не найдем здесь со «Словом» ничего общего. Сравните с приключениями Всеслава Полоцкого: «Скакнул от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой, добыл он счастье, с трех попыток отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярославу»*.

Остальной текст «Поучения» состоит из евангельских цитат и жизненных советов вроде «Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию».

В «Слове» тоже есть побуждение к нужным действиям, объединению князей перед общей опасностью, но это не бесстрастный совет, а темпераментный призыв: «За землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!»

Еще пример из XII века в «Сказании о Борисе и Глебе»: «Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и его красоту телесную и духовную. И каждый в душе своей стонал от горести сердечной, и все были охвачены печалью»**.

*Здесь и далее, если не указано иное, дан перевод «Слова» Д. С. Лихачева.

**Перевод Л. А. Дмитриева.

Как сходная художественная задача решается автором «Слова»? Во-первых, гораздо лаконичнее, а потому эффектнее («пиши — сокращай!»). Во-вторых, гораздо масштабнее: участниками сцены становятся не только те, кто видит главного героя, но вообще все русские города: «Тут Игорь-князь пересел из седла золотого в седло рабское. Приуныли у городов забралы, а веселие поникло».

«Повесть об Акире Премудром» и вовсе показывает своих героев сказочными персонажами: «Как услышал все это царь, то огорчился безмерно и воскликнул: “Господи Боже! Какое же зло причинил я Акиру, если он такое злодеяние задумал против меня и царства моего?”»*

В «Слове» некоторые эпизоды тоже выглядят по-сказочному невероятно, но его персонажи никогда не ведут речи подобно восточным падишахам из «Тысячи и одной ночи». У русских князей своя речевая манера: «О мои дети, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать. Но не с честью вы одолели, не с честью кровь поганую пролили».

В «Хождении игумена Даниила» тщательно собираются этнографические подробности путешествия на Ближний Восток: «Вот как добывается черный фимиам гомфит: из дерева исходит как бы смола, и ее снимают острым железом. Называется то дерево зигия, а по виду оно похоже на ольху. А другое небольшое деревце похоже на осину, но название того деревца рака; в том деревце водится большой червь, по величине как поноров, за корою того деревца. И точит этот червь то деревце, и исходит из этого деревца труха, как пшеничные отруби, и падает с деревца того, словно вишневый клей. И люди собирают его, смешивают с вышеназванным

*Перевод О. В. Творогова.

деревом и, положив в котел, так варят фимиам гомфит; и кладут в мешки, продают купцам»*.

Автор «Слова» тоже хорошо знает, как устроен окружающий мир, только говорит об этом походя, не фокусируя внимания: «Высоко взмываешь на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу храбро одолеть». Как говорят орнитологи, это очень точная деталь: соколы действительно парят на восходящих воздушных потоках. Но не сокол здесь объект изображения, с ним всего лишь сравнивается человек.

И только другое «слово» — «Слово Даниила Заточника» (то есть заточенного, пленника), резонирует с образным стилем «Слова о полку Игореве». Это не удивительно, поскольку произведение было написано лет на 30–50 позже повествования о походе Игоря:

Княже мой, господине!
Избавь меня от нищеты этой,
Как серну от сетей,
Как птенца от силков,
Как утенка от когтей ястреба,
Как овцу от львиной пасти**.

И снова мы видим, как автор «Слова о полку Игореве» справляется с таким высказыванием проще и искуснее: «Ты лелеял на себе Святославовы насады до стана Кобякова. Прилелей же, господин, моего милого ко мне, чтобы не слала я к нему слезы на море рано». Оказывается, не нужно батареи сравнений — до-

*Перевод Г. М. Прохорова.

**Перевод Л. В. Соколовой.

статочно запараллелить желаемое и то, что уже было когда-то в прошлом. Так просьба становится убедительнее.

Между Даниилом Заточником и автором «Слова» есть и еще одна заметная разница: первый думает только о себе и о своих частных злоключениях, второй — о судьбах всей русской земли:

Многие ведь дружат со мной, опуская руку со мною в блюдо,
А в несчастье ведут себя как враги,
Помогая даже сбить меня с ног;
Очами плачут со мной, а в душе смеются надо мною.
Поэтому не верь другу и не надейся на брата*.

Достаточно сравнить это место с такой фразой из «Слова о полку Игореве»: «О князь Игорь! Немало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия». Все думают о том, что будет с русской землей — и князья, и реки, и боги. Вся Русь целиком — это главная ценность, стоящая за текстом и за миром, в этом тексте изображенным.

Так что «Слово о полку Игореве» — произведение по-настоящему патристическое. Но и патриотизм здесь не грубый, не прямолинейный.

Каким бы мы ожидали видеть невзыскательный текст древней литературы? Наверное, это должно быть произведение, прославляющее силу оружия, а самый простой способ прославить воинов — рассказать об их победе.

Но «Слово» — это, наоборот, произведение о поражении! Поход Игоря был неудачным, князь потерял свою дружину и попал в плен. Есть даже известный анекдот про студентов из восточной

*Перевод Л. В. Соколовой.

страны, которые приехали в Москву изучать русскую культуру и, прочитав «Слово», сошлись в том, что это плохое произведение, потому что рассказывает о проигранной войне. С их точки зрения правильный литературный текст может быть только про победу.

Эрнест Хемингуэй в романе «Прощай, оружие!» говорит: «Христианами нас делает поражение». У этого афоризма много смыслов. Но в контексте «Слова» для нас важно то, что христианство — это следующий этап в усложнении человеческого мышления после язычества. И в самом деле, для того, чтобы говорить о важных вещах, нужны и смелость, и зрелость, и порой горький опыт. Без конфликта, без неудач, без потерь для героя невозможно создать повествование, которое вызвало бы сопереживание читателя. А «Слово», конечно, заставляет сопереживать Игорю.

Хотя автор, вероятно, ставил перед собой более амбициозную задачу мобилизации и объединения всех русских князей перед внешней угрозой. Это было очень дальновидно: через несколько десятилетий на Русь обрушится татаро-монгольское нашествие. Но «Слово» не смогло подготовить к нему князей, сверхзадача их объединения не была выполнена, натолкнувшись на объективные исторические обстоятельства. Литература не всемогуща, она остается только литературой.

В «Слове» как у Тарантино или у Тарантино как в «Слове»?

Современный читатель, разумеется, видит «Слово» другими глазами, чем человек из XII или даже XIX веков. Из литературного фона, который нам доступен, невозможно вытравить тексты, которые вступают в сложную химическую реакцию с древнерусским

памятником. И этих соединений не нужно стесняться. Они обогащают наш читательский опыт, делают путешествие по лабиринту мировой литературы ярче и насыщеннее.

Где-то тексты сцепляются из-за того, что текст «Слова» зачастую темн, написан на забытом языке. Что значит, что Боян воспел походы, «свивая славы оба полы сего времени»? Точно сказать нельзя, в других текстах древнерусской литературы такой оборот не сохранился. Но читатель «Дюны» Фрэнка Герберта в этом месте легко может представить себе Пола Муад-Дибя, который соединил в себе память прошлых поколений и знание о будущем, те самые «оба полы времени».

А где-то тексты начинают разговаривать друг с другом из-за того, что следуют простым древним правилам. Поэтому самые широкие ассоциации рождает плач Ярославны.

В «Освобожденном Иерусалиме» Торквато Тассо (XVI в.) говорится, что Божья рука оберегала поход крестоносцев:

Она в пути преграды понижала;
Она срезает горы, сушит реки,
Она и зной и стужу умеряет;
Она ветрам вещает плен и волю,
Она обуздывает ярость волн...*

Днепр в речи Ярославны похожим образом пробивает каменные горы и носит на себе корабли Святослава. Но аналогия не полная: Бог сопровождал и оберегал воинов веры, а Днепр не всегда на стороне Игоря, его нужно специально просить о милости к князю.

*Перевод В. С. Лихачева.

В «Алхимике» Пауло Коэльо главный герой, желающий превратиться в ветер, обращается с этой просьбой к пустыне, потом к ветру (как и Ярославна) и наконец к солнцу (снова как и Ярославна). Вместо Днепра у современного писателя пески арабского востока, где нет полноводных рек, а во всем остальном адресаты явно перекликаются. И даже желание Сантьяго превратиться в ветер, чтобы навестить любимую Фатиму, отражается в желании Ярославны обернуться птицей и полететь к мужу.

«Ветер приблизился к Сантьяго, коснулся его лица. Он слышал его разговор с пустыней, потому что ветры вообще знают все. Они носятся по всему миру, и нет у них места, где родились они, ни места, где умрут. “Помоги мне, — сказал ему юноша. — Однажды я расслышал в тебе голос моей любимой”»*.

Правда, в «Алхимике» и «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» ветер и солнце отвечают человеку, а в «Слове» — нет.

Или все-таки отвечают?

У современного читателя есть эстетический опыт, которого не было у современников «Слова», — это опыт восприятия кино. Благодаря кино мы знаем про эффект Кулешова: две сцены, смонтированные друг за другом, ощущаются как связанные. Эти привычки провоцируют нас читать последовательность плача Ярославны и следующий за ним побег Игоря как монтажную фразу, связывающую как причину и следствие обращение супруги к высшим силам и последующее спасение героя. Ветер, Днепр и Солнце помогли Игорю вырваться из плена и вернуться домой. В отличие от жизни, в кино «после значит вследствие».

«Слово» вообще очень кинематографичный текст. Он насыщен параллельным монтажом, нелинейным повествованием

*Перевод А. Богдановского.

и флешбеками. В первую очередь о монтажных склейках заставляют вспомнить резкие переходы от одной сцены к другой: после спокойно-го вступления — к солнечному затмению и обратно, после динамичной битвы с половцами — ко сну Святослава.

Параллельный монтаж чередует события, происходящие в разных местах, подчеркивая их связь. Этот прием повторяется в «Слове» постоянно: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве; трубы трубят в Новгороде — стоят стяги в Путивле!» В пределах одного предложения мы видим, что происходит в городах, отстоящих один от другого на сотни километров.

Или так: «Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона, и от моря». Угроза, исходящая от половецкого войска, дана в параллель с тревожными природными явлениями. Все вместе «работает» на саспенс повествования не хуже, чем в голливудском триллере.

Флешбеков тоже не сосчитать: «Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступал в золотое стремя в граде Тмуторокане, а звон тот уже слышал давний великий Ярослав». «Один только Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве был прибит литовскими мечами на кровь со своим любимцем». Все это — исторические отступления внутри сюжета об Игоре, дополняющие и поясняющие политическую обстановку, как это сейчас делают сценаристы сериалов.

В «Слове» как у Тарантино или у Тарантино как в «Слове»? До изобретения синематографа остается еще 700 лет.

Наиболее близкий к «Слову» по кинематографичности приемов русский писатель XIX века — Всеволод Гаршин. Например, в повести «Сигнал» (1887 год, через семь веков после «Слова») мы видим такие же отрывочные фразы, как будто из сценария,

визуально точно и конкретно описывающие происходящее: «Снял он шапку, вынул из нее платок бумажный; вынул нож из-за голенища; перекрестился, господи благослови! Ударил себя ножом в левую руку повыше локтя, брызнула кровь, полила горячей струей; намочил он в ней свой платок, расправил, растянул, навязал на палку и выставил свой красный флаг».

Много таких «сценарных» фраз и в «Слове»: «Кликнула, стукнула земля, зашумела трава, вежи половецкие всколыхнулись. А Игорь-князь поскакал горностаем к тростнику и белым гоголем на воду». Не говоря уже о «флаге» и «крови», которые по совпадению «рифмуют» оба текста: «Бились день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы».

Для усиления эффекта присутствия повествование у Гаршина переходит в настоящее время: «Стоит, флагом своим размахивает, а поезд уж виден. Не видит его машинист, подойдет близко, а на ста саженьях не остановить тяжелого поезда! А кровь все льет и льет; прижимает рану к боку, хочет зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранил он руку».

Так же делает и автор «Слова»: «Ярый тур Всеволод! Бьешься ты в бою, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными! Куда, тур, поскачешь, своим златым шлемом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие».

Вряд ли Гаршин нашел эти приемы благодаря «Слову». К их использованию подталкивают самые общие соображения о том, как должно строиться повествование, тем более что Гаршин пишет уже в самый канун появления кино, и во многом предчувствует эту форму. И тем не менее, родство повествовательной манеры у разделенных веками авторов очень показательно.

«Слово» отражается в сотнях произведений мировой литературы. Иногда эти отражения случайны, как в «Освобожденном

Иерусалиме», иногда намерены, как в разговоре королевича Елисея в «Сказке о мертвой царевне». Но каждая такая переключка позволяет уточнить место «Слова» во всемирной библиотеке. И место это совсем не последнее.

Зачем нужны переводы «Слова»?

Зачем нужны переводы «Слова»? Ведь текст и так выглядит понятным. Дело в том, что понятность эта зачастую обманчива. Древнерусский язык только кажется похожим, но многие слова значат совсем другое. Как и с любым близкородственным языком, у современного с древнерусским есть целый ворох ложных друзей переводчика. По-польски «zapomnieć» значит не «запомнить», а, наоборот, «забыть», «sztuka» не «штука», а «искусство», по-сербски «позориште» вовсе не «позорище», а «театр», «поклон» не «поклон», а «подарок», «kuća» по-хорватски не «куча», а «дом», хотя произносится почти так же, ну и самое «веселое» в этом языке: слово «ponos» неожиданно значит «гордость».

Возьмем простое, как кажется, предложение. Игорь говорит: «Хощу бо, — рече, — копие приломити конец поля Половецкаго». Князь делится своим желанием сломать копье о конец (край) половецкого поля, очевидно, имея в виду стремление к военным подвигам. Сразу рисуется перед глазами метафорическая картинка этого самого края, о который как раз удобно ломать древко копья. Что здесь может быть не так? Оказывается, очень многое.

Во-первых, «конец» тут вовсе не существительное, а предлог. Так что думать, что автор «Слова» пишет о каком-то конце или крае поля — это всё равно что считать, что во фразе «вследствие

дождя» подразумевается какое-то следствие, которое провел сотрудник уголовного розыска по фамилии Дождь.

Во-вторых, «хочу приломить» — это не привычное нам настоящее время, а форма будущего. «Хотеть» здесь что-то вроде глагола «быть», который мы часто опускаем, потому что у него нет самостоятельного значения, а нужен он только для грамматической связности: «быть в сомнениях» — это то же самое, что «сомневаться»: «быть» можно выбросить без ущерба для смысла. Так же и «хочу преломить» — это на самом деле просто «преломлю».

Итак, смысл речи Игоря оказывается совсем другим: он говорит не о том, чего хочет, а описывает возможное будущее: «Я сломаю копьё в Половецком поле». Из полноценной деятельной личности превращается, так сказать, в игрушку в руках высших сил: они решают, что произойдет с князем, а ему остается только покориться.

От таких неверных чтений и должны уберечь нас переводы. Но беда в том, что переводчики сами не очень хорошо ориентируются в древнерусском языке. В абсолютном большинстве текстов (а их сотни!) появляется этот фантомный «конец»: «Хочу, — сказал он, — преломить копьё / О поля Половецкого рубеж» (Ю. Лифшиц); «С вами я, русичи, / Хочу копьё преломить / На конце половецкого поля» (И. Новиков); «Хочу я копьём своим / конец поля Половецкого достать» (В. Беспалов). И только редкие варианты вроде перевода Бальмонта представляют текст почти правильно: «Преломить хочу, — сказал он, — с вами, русские, копьё я, / Там, на поле Половецком».

Другой пример связан со знаменитым «растекаться мыслью по древу». Наверное, эта фраза потому и вошла в язык, что очень ярко представляет вообще-то нематериальную мысль в виде какой-то жидкости, которая воплотилась в речи слишком

говорливого собеседника, и которая настолько надоела, что хочется вытереть ее тряпочкой.

Только к исходному смыслу все это не имеет ни малейшего отношения. Старое значение глагола «течь» — это движение. Любое. Не обязательно жидкости. И даже, скорее всего, не жидкости. С таким значением этот глагол помнил еще Пушкин, но уже не помним мы. В стихотворении «Анчар» про раба говорится, что он «послушно в путь потек. / И к утру возвратился с ядом». Разумеется, поэт не пытается представить дело так, будто раб превратился в воду и отправился в путь в этом виде. «Потек» в данном случае — просто синоним для «отправился», и уже для стихов Пушкина нам нужен перевод на современный язык. Что же говорить о написанном за шесть с половиной веков для этого «Слове». И тем не менее, переводчики часто оставляют это «растекаться» в исходном виде, как будто это тот же самый глагол, что и в современном русском языке. А глагол-то другой, непонятный! «То мыслию по древу растекался» (Г. Карпунин), «по древу растекался мыслью» (Е. Евтушенко).

Кстати, с этим «растекаться» связан и один из самых смешных анекдотов из истории русского поэтического перевода. В уже упоминавшемся «Освобожденном Иерусалиме» про участника крестового похода Готфрида Бульонского будто бы говорится, что он пришел в неистовство и отправился в храм. И сказано об этом в русском переводе начала XIX века так: «Вскипел Бульон, течет во храм». Это всего лишь байка, ничего подобного мы в реальном переводе поэмы не найдем, но благодаря забытому ныне значению слова «течь» эта шутка действительно была возможна.

В большинстве книг воспроизводятся ставшие классическими переводы В. А. Жуковского, Д. С. Лихачева и Н. А. Заболоцкого. Что существуют какие-то еще переводы, просто-напросто знают не все. На самом же деле переводов много. Очень много. Только

на русский язык «Слово» переводилось раз двести, и новые попытки продолжают появляться. Почитать и сравнить их можно на сайте nevmenandr.net/slovo.

Среди незаслуженно забытых стоит назвать перевод Александра Палицына, вышедший в 1807 году. Он рисует события XII века в стилистике героических поэм Нового времени:

Ржут кони за Сулой, звук славы Киев внемлет,
Глас трубный Новгород с веселием приемлет;
Стоят простерты в Путивле знамена,
Где братьев обща брань соединить должна,
Как слава, дружество, связуют и природа:
Там Игорь с войском ждет Буйтура-Всеволода. . .

Можно сравнить его с недавно сделанным переводом «Илиады» в похожей стихотворной форме:

И мертвому изрек в ответ ему блестящий
Шеломом Приамид: «О смерти предстоящей
Моей вещаешь ты? Возможно, и не я
Паду, но Ахиллес от моего копья!»*

Главная причина, почему переводы продолжают появляться, в том, что перевод — это всегда новое прочтение. Сколько переводчиков, столько и толкователей. Памятник продолжает привлекать внимание, и прочитывают его по-разному, ища в древнем тексте новые смыслы. И поэтому мы будем перечитывать «Слово о полку Игореве». Снова и снова.

*Перевод А. И. Любжина.

Что еще почитать о «Слове»

Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.

Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // Слово о полку Игореве – памятник XII века. М.–Л., 1962. С. 330–405.

Орехов Б. В., Рыбина М. С. «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде»: еще раз о сходствах и различиях // Филологические записки. Вып. 31. Воронеж, 2012. С. 93–101.

Орехов Б. В. Переводы «Слова о полку Игореве»: мифы и реальность // Нева. 2010. № 1. С. 155–161.